

илюстрированное
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю.
ЛЕРМОНТОВА

Редакція
В. В. Каллаша.

ТОМЪ III.

МОСКВА,
Печатникъ,

Трагедія Лермонтова.

И тьмой, и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія...

Этому надо вѣрить. Нѣтъ поэта субъективнѣе Лермонтова. Онъ искрененъ поневолѣ, ибо умѣетъ писать только для себя и о себѣ. Его до обожанія любятъ родственныя ему натуры; ими онъ повелѣваетъ и очаровываетъ ихъ, какъ прекрасный Демонъ. Мрачная узость эгоистическаго вдохновенія соединяется въ немъ съ бездонной глубиной чувства. Поэзія его въ своемъ плѣнительномъ однообразіи похожа на глухой и темный колодезь; вѣетъ оттуда сыростью и могильнымъ холодомъ, а тамъ, въ стальной чернотѣ глубокаго дна, сіяя голубыми бликами, ходятъ неясные просвѣты. Ими проскользнувъ „безъ руля и безъ вѣтриль“, выплываешь вдругъ въ заколдованное царство. Блаженствуютъ, качаясь, царственные цвѣты, пальмы, чинары; райскія птицы поютъ, и слышится голосъ рыбки:

Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ, и покой.
Усни! Постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

Спасти отъ демона-Лермонтова можетъ только серафимъ-Пушкинъ, изъ подземнаго міра уносящійся въ „сосѣдство Бога“.

Поразительна Лермонтовская цѣльность, гармоничность его природы, самобытность колоссальнаго его таланта. Душою онъ въ главномъ своемъ одинъ и тотъ же, — семнадцатилѣтній и на двадцать седьмомъ году, наканунѣ смерти. Можно, пожалуй, сравнить его съ косноязычнымъ Демосееномъ: упорствомъ и силой воли достигъ онъ демонской власти надъ словомъ; глаголъ его, точно, жжетъ

сердца. Трудъ удивительный и неимовѣрный положилъ Лермонтовъ, чтобы въ твореніяхъ своихъ запечатлѣть то единственное, чему онъ всю жизнь вѣрилъ и ради чего страдалъ. Узкій въ своихъ темахъ, онъ углубилъ ихъ безчисленными набросками, ворохомъ черновыхъ пробъ и плохихъ стиховъ, — все для того, чтобы создать нѣсколько превосходныхъ произведеній.

Есть у семнадцатилѣтняго Лермонтова одно удивительное стихотвореніе подъ ничего невыражающимъ заглавіемъ: „1831 года, іюня 11 дня“. Это — огромная пьеса въ 256 стиховъ. Въ ней всѣ обычныя достоинства и недостатки юношескаго творчества Лермонтова: мало поэзіи и упругой красоты, много металлической силы и неуклюжей страстности; искренностью она поражаетъ необыкновенной. Въ сухости изложенія таится какая-то, почти математическая, строгость мысли. Не надо забывать, что Лермонтовъ въ то время писалъ исключительно для себя; онъ лишь случайно сдѣлался присяжнымъ писателемъ и къ литературной славѣ всегда былъ глубоко равнодушенъ; оттого его юношескіе стихи пріобрѣтаютъ особенную цѣломудренную прелесть. Въ стихотвореніи „11 іюня“ передъ нами весь Лермонтовъ; здѣсь данъ абрисъ будущей грандіозной картины, какъ бы начерченной углемъ, — краски наложило на нее слѣдующее десятилѣтіе короткой жизни; въ немъ пулѣ Мартынова суждено было стать послѣднимъ, завершающимъ взмахомъ кисти. „11 іюня“ начинается задушевнымъ признаніемъ:

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ.
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

„Таинственные сны“... Лермонтовъ — прирожденный сновидецъ и мечтатель. Всю жизнь онъ провелъ въ прозрачномъ мірѣ сновъ. Это его стихія; въ ней онъ царитъ, какъ демонъ (*δαίμων*), какъ божество. Въ „свѣтѣ“, въ „мірѣ“ онъ живетъ лишь проблесками, минутами сознанія — и минуты эти не омрачаютъ его таинственнаго сна. „Страстей и мукъ умчался прежній сонъ“, „Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“, „Года уходятъ, будто сны“, „Сонъ земныхъ страстей“, „Промчался легкой страсти сонъ“ — это только наудачу взятые стихи съ нѣсколькихъ страницъ 1830 года, — но и дальше всюду у него сны — „сны-мучители“, и вся его поэзія — вѣщій сонъ, а характернѣйшее для него стихотвореніе — „Въ полдневный жаръ въ долину Дагестана“, гдѣ тяготѣющій надъ влюбленными сонъ одушевляетъ ихъ нездѣшной силой.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнию иной,

И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
 Встревоженный печальною мечтой,
 Я плакалъ; но всѣ образы мои,
 Предметы мнимой злобы иль любви,
 Не походили на существъ земныхъ.
 О, нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

Вызванные къ жизни, образы эти, воплотятся въ стихахъ Лермонтова, точно, мало походятъ на „существъ земныхъ“. Развѣ люди—всѣ эти стихійные Арсеніи, Измаилы, Мцыри? развѣ не родные братья они чарующему Демону, покрывшему Лермонтовскій міръ своими черными угловатыми крылами, пожалуй, въ павлиньихъ краскахъ, какъ на картинѣ Врубеля?

Мечтательность раздвоила существованіе Лермонтова. Жизнь ему не въ жизнь. Онъ и живетъ съ нами во снѣ, какъ Гоголевскій художникъ въ „Невскомъ проспектѣ“, вѣрнѣе — какъ собственный герой его, тоже художникъ, Лугинъ, играющій каждую ночь со старикомъ-фантомомъ въ штось. Проснувшись на минуту Маёшкой, кутилой и львомъ-бреттеромъ, онъ снова предается упоительной сонной мечтѣ, стремясь выиграть „чудное, божественное видѣніе“. „Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но зато каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ“. Вся жизнь Лермонтова — игра съ призракомъ; рѣшающей ставкой былъ поединокъ 15 іюля 1841 года, когда послѣдняя карта была убита.

Во снѣ созерцаетъ Лермонтовъ рай, котораго, онъ знаетъ, наяву ему никогда не видѣть. Святымъ сномъ остается для него воспоминаніе дѣтства, породившее въ душѣ поэта такую пламенную, такую страстную любовь къ Кавказу. За что онъ любилъ Кавказъ? только за одинъ мимолетный призракъ счастья: глядя на горы, переживалъ онъ ласку покойной матери:

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ;
 Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
 Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
 За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,—
 Люблю я Кавказъ.

И первая чистая любовь его связана съ Кавказомъ — съ вѣчною панорамой южныхъ горъ. Шестнадцатилѣтній отрокъ воспоминаетъ:

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ;
Пять лѣтъ пронеслось: все тоскою по васъ.
 Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ,—
 И сердце лепечетъ, вспомня тотъ взоръ:
 Люблю я Кавказъ!

Пять лѣтъ! Да развѣ не сонъ эта „пара божественныхъ глазъ“, когда-то на мигъ мелькнувшихъ десятилѣтнему Мишелю? Разу мѣется, — все это происходило во снѣ, на зарѣ жизни, когда еще

зелеными глазами смотреть ребенокъ на чудесный мiръ, не успѣвъ очнуться отъ грезъ предыдущей ночи. Въ дальнѣйшихъ строфахъ „11 iюня“ немало есть дѣтскаго, почти смѣшнаго, — мечты о клеветѣ, объ изгнанiи, о кровавой могилѣ,—но для семнадцатилѣтняго поэта все это въ порядкѣ вещей. Мечты эти только подтверждаютъ его полную искренность.

Подъ ношей бытiя не устаешь
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщенiемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей;
Съ такой душой ты богъ или злодѣй!..

Тутъ вся мстительная, клянущая и бунтующая стихiя Лермонтова, со всѣми ея муками; тутъ и борьба съ судьбой, и „склонность къ разрушенiю“, и гордый отказъ отъ райскаго блаженства для земной тоски.

Есть время,—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желанiй мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена;
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.
Я къ состоянiю этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскiй, ни демонскiй языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ,
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

Въ смѣшенiи священнаго съ порочнымъ опять во весь ростъ является намъ Лермонтовъ, съ бурями адской страсти и безплодной тоской по утраченному эдему. Пусть онъ вѣчно страдаетъ, томимъ воспоминанiемъ объ ангельской чистотѣ своихъ первыхъ дней; пусть рвется стать преступникомъ, демономъ,—онъ остается и навсегда останется только *человѣкомъ*.

Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

Но всего важнѣе въ этой юношеской исповѣди (а вѣдь юношескiя признанiя всегда искреннѣй старческихъ несравненно) — это слова Лермонтова о любви.

О, когда бъ я могъ
Забыть, что незабвенно... женскiй взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!

Другой владѣеть ею съ давнихъ поръ,
 И я другую съ нѣжностью люблю,
 Хочу любить—и небеса молю
 О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
 Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

Кто она? Это неважно и даже нелюбопытно для насъ; важно то, что и тутъ звучить намъ все тотъ же вѣчный лейтъ-мотивъ Лермонтовской поэзіи:

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
 И тѣмъ счастливы; для иныхъ она—
 Желанье, порожденное въ крови,
 Разстройство мозга иль видѣнье сна.
 Я не могу любовь опредѣлить,
 Но это страсть сильнѣйшая! Любить—
 Необходимость мнѣ, и я любилъ
 Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

Трогательное простодушіе! Любить — ему необходимость. „Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ уже любовь десяти лѣтъ отъ роду? Нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, *или это мнѣ кажется* потому, что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ“. (Запись 8 іюля 1830 г.) Конечно, это кажется, только кажется. Первая любовь: для нея женщина никогда не цѣль, а только средство: образъ женщины избираетъ она, какъ предлогъ для своего существованія. Лопухина ли, Сушкова ли, та или иная дама — все равно. „Люблю мечты моей созданье“. Но „обманъ“ (въ смыслѣ *разочарованія*) не могъ отучить его отъ увлеченія женщиной. Въ послѣднемъ предсмертномъ стихотвореніи онъ говорить:

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
 Не для меня красы твоей блистанье,—
 Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
 И молодость погибшую мою.
 Когда порой я на тебя смотрю,
 Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
 Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,—
 Но не съ тобой я сердцемъ говорю.
 Я говорю съ подругой юныхъ дней,
 Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
 Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
 Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

А въ сущности—никого не люблю, кромѣ „мечты“, кромѣ „сна“, кромѣ того, что „кажется“.

Трагедія Лермонтова не въ самой любви, а въ отношеніи его къ ней. Разочарованіе его неподдѣльно; нѣтъ, ужъ какой тутъ байронизмъ! Слѣпой подражатель Байрону не вырвалъ бы никогда изъ груди своей такихъ леденящихъ сердце стоновъ. Душа Лермонтова, дѣйствительно, увяла: она дышитъ сыростью могильныхъ цвѣтовъ. Мысль о любви всегда сочетается у него съ мечтами о смерти, о вѣчности—и сладостно жутко читать эти полудѣтскіе стихи:

Вчера до самой ночи просидѣлъ
 Я на кладбищѣ. Все смотрѣлъ, смотрѣлъ
 Вокругъ себя, полстертыя слова
 Я разбиралъ. Невольно голова
 Наполнилась мечтами вновь; очей
 Я не былъ въ силахъ оторвать съ камней...
 Одинъ ушелъ ужъ въ землю, и на немъ
 Все стерлося; тамъ крестъ къ кресту челомъ
 Нагнулся, будто любятъ; будто сонъ
 Земныхъ страстей узналъ въ семь мѣстъ онъ.
 Вкругъ тихо, сладко все, какъ мысль о ней.

Мысль о ней—гдѣ же? на кладбищѣ. Это не сантиментальныя воздыханія Жуковского о близости небеснаго свиданія, это—зловѣщее предчувствіе разлуки вѣчной. Любовь Лермонтова тысячами нитей сплетена со смертью, съ гробомъ, мертвецами и со всѣмъ ихъ кладбищенскимъ обиходомъ. И опять это не романтической, мишурный антуражъ: Лермонтовъ искренно любитъ страшныя тайны могилъ, чувствуетъ подлинную поэзію склепа, какъ чувствовалъ ее Эдгаръ По. Ярко и мучительно переживаетъ этотъ пензенскій барченокъ, начитавшійся Байрона, муки любви, ощущая въ то же время адское наслажденіе при мысли о смерти. Эти двѣ могущественнѣйшія стихіи, любовь и смерть, озарены у него въ соединеніи своемъ невыносимымъ свѣтомъ. Мрачно, сладострастнымъ шопотомъ повѣствуетъ онъ въ своемъ „Вадимъ“: „Однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ, вышла замужъ за другого; на первую же ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель. Она моя, — говорилъ онъ, — и слова его были вѣтеръ, гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали попа съ крестомъ и святой водой и выгнали опоздаващаго гостя, и, выходя, онъ заплакалъ, но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его“.

Апоѳеозъ любви, пережившій смерть! Воистину, *любовь сильнѣе смерти*, именно *сильнѣе*. Все обаяніе поэзіи Лермонтова въ его силѣ. Онъ—силачъ, сказочный богатырь. Не даромъ современникъ его, художникъ П. А. Оедотовъ, называлъ его стихи „пѣснями богатыря въ минуты скорби неслыханной“.

Я не могу любовь опредѣлить,
 Но это страсть сильнѣйшая.

Горе тому, у кого любовь на всю жизнь остается сильнѣйшей страстью. Она неизбѣжно приведетъ его къ крушенію. Для Лермонтова главный ужасъ заключался въ раздвоенности его любви, въ той пропасти, что зияетъ вѣчно между женщиной и идеаломъ. Онъ, какъ Дантъ, созданъ былъ для любви истинной, для любви безсмертной, но въ этой жизни не пришлось встрѣтить ему своей Бе-

атриче. Судьба при рожденіи одарила его нездѣшнымъ чувствомъ любви, какъ бы забывъ, что ему предназначено жить на землѣ. Онъ искалъ, тоскуя, неземную мечту, а кругомъ были Лопухины, Сушковы, Смирновы, Щербатовы. Что же оставалось поэту, какъ не любить „мечты своей созданья“? Но и существовать одною мечтою онъ не могъ: онъ бытъ *человѣкомъ*, сыномъ праха и жителемъ земли. Въ груди его вулканомъ вскипала страсть; онъ не въ силахъ былъ оставаться равнодушнымъ передъ чарами прекрасныхъ женщинъ. И, презирая ихъ безмѣрно, шелъ къ нимъ со святыней въ глубинѣ души, зная, что ничего не найдетъ въ отвѣтъ.

Есть рай небесный! звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же? вотъ вопросъ, и въ немъ то ядъ.
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

Подлинная любовь Лермонтова, конечно, не земная. Иначе онъ врядъ ли бы невредимо пронесъ ее сквозь жизненные дебри. Та грязь, что его окружала съ дѣтства, давно захлестнула бы бѣлый мраморъ земного идола, но голубую воздушность женственного видѣнія она оттѣняла еще чище. Сны, къ счастью для людей, неподвластны ужасамъ житейскимъ.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна не разъ во тѣмъ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампы образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
И видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ, какъ ледъ—
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану, можетъ быть.

Женскій взоръ святого призрака сопровождаетъ поэта во всю жизнь, какъ „слѣдъ единственный младенческихъ видѣній“. Можетъ ли онъ, влюбленный въ мечту, любившій „чудную дѣву“ такъ, какъ „любить въ другой разъ онъ не можетъ и не станетъ“,—могъ ли онъ любить дѣвъ земныхъ?

До сихъ поръ никто еще, кажется, не обращалъ серьезнаго вниманія на огромное автобіографическое значеніе Лермонтовскаго „Сашки“. Поэму эту считаютъ нескромнымъ подражаніемъ Полежаеву, легкою шалостью молодого пера, а между тѣмъ это—полная содержанія и серьезная значеніемъ пьеса. Изъ нея цѣликомъ вышла „Сказка для дѣтей“; послѣднюю сближаетъ съ „Сашкой“ не только общій тонъ разсказа, но и буквальное совпаденіе нѣкоторыхъ стиховъ. Въ „Сашкѣ“ встрѣчаются мѣста удивительной выдержанности

и силы, и можно бы пожалѣть, что Лермонтовъ бросилъ поэму неоконченной, если бы изъ ея хаоса не возникла черезъ нѣсколько лѣтъ стройная колоннада „Сказки“. Историко-біографическая правдивость „Сашки“ безспорна. „Сашка“ — цѣннѣйшій документъ для характеристики Лермонтова-ребенка и Лермонтова-юноши въ первые семнадцать лѣтъ его жизни, до самаго поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Читая „Сашку“, начинаешь яснѣе понимать трагическую сторону въ жизни Лермонтова: нѣжная, какъ крылья мотылька, чистая, какъ вершины кавказскихъ горъ, душа геніальнаго ребенка уже въ раннемъ дѣтствѣ заляпана была комками житейской грязи.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
 Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
 Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ)
 Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
 Когда луна бросала томный свѣтъ
 На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
 И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
 Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
 Онъ догонялъ ихъ, и, шутя, порой
 Его невинность (вы поймете сами)
 Онъ дразнили дерзкими перстами.

Раннее прикосновеніе порока, „смутивъ ребенка сонъ покойный“, дыханіемъ набѣгающей бури налетѣло на зеркальную гладь души и заставило навсегда задрожать ее сладострастной зыбью. На людей, подобныхъ Лермонтову, первое познаніе добра и зла кладетъ неумолимый отпечатокъ, своего рода каторжное клеймо, доводящее иныхъ до самоубійства.

По тѣмъ временамъ (сто лѣтъ назадъ) сближеніе подрастающаго барченка съ міромъ дѣвичьей было явленіемъ неизбѣжнымъ и притомъ обычнымъ. Конечно, сама строгая бабушка Арсеньева нисколько не огорчилась бы, узнавъ о связи Мишеля съ дворовой дѣвушкой. Дѣвичья въ помѣщичьей усадьбѣ была особымъ міромъ; сюда отбирались красивѣйшія и умнѣйшія дѣвушки, часто незаконныя дочери господъ; здѣсь зарождались крѣпостныя актрисы и танцовщицы, но подъ старость изъ дѣвичьей же выходили Арины Родионовны и Натальи Савишны. Изъ какого то ложнаго стыда (передъ чѣмъ?) мы все еще затѣняемъ положительныя стороны старой помѣщичьей жизни, донинѣ не изслѣдованныя. Дѣвичья играла большую роль въ юности нашихъ предковъ. Изъ записокъ гр. Л. Толстого мы знаемъ, что отца его въ шестнадцать лѣтъ родители соединили „для здоровья“ съ одной изъ дворовыхъ дѣвушекъ. Самъ Толстой въ „Отрочествѣ“ рассказываетъ о любви къ горничной Машѣ. Въ дѣвичьей возникало первое очарованіе женской любви, вспыхивали первые порывы сладострастія, но далеко не для всѣхъ вліяніе это оказывалось вреднымъ и роковымъ. Въ воспоминаніяхъ Фета мы находимъ идиллическое описаніе прекрасной горничной

Аннушки, пробудившей первую возвышенную страсть въ груди будущаго пѣвца „Соловья и Розы“. У Лермонтова описаніе ночныхъ свиданій съ Марѳеушей сдѣлано, несомнѣнно, съ натуры.

Во тѣмъ ночной,
 На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
 Въ чепцѣ, платокъ накинувъ шерстяной,
 Являлась къ Сашѣ дѣва молодая.
 Задувъ лампаду, трепетной рукой
 Держась за спинку шаткую кровати,
 Она искала жаркихъ тамъ объятій.
 Потомъ, на мягкій пухъ привлечена,
 Подъ одѣяло пряталась она;
 Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался,
 И въ жаркихъ поцѣлуяхъ онъ сливался.

Правда и то, что, какъ признается поэтъ,

Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
 И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ.

Старческой опытъ, проклятый опытъ Адама, рано воцарился въ опустошенной душѣ полуробенка.

А главное—Сашка „имѣлъ большую склонность къ разрушенью“. Прототипъ его, Александръ Арбенинъ въ неоконченномъ прозаическомъ отрывкѣ, характеризуется тѣми же самыми чертами.

„Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую... Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, рассказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными, и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать... Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія... Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ... Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу“.

Это одинъ и тотъ же образъ. Сашка, Александръ Арбенинъ, Печоринъ,—всѣ они перегорѣли на медленномъ огнѣ, превратившемъ ихъ души въ холодный пепелъ.

Впечатлѣнія отроческихъ лѣтъ даютъ направленіе цѣлой жизни. Черты, роднящія любимыхъ Лермонтовскихъ героевъ въ ихъ главномъ, позволяютъ съ увѣренностью утверждать ихъ непосредственную близость къ самому поэту. Все это одинъ герой, имя которому Михаилъ Лермонтовъ. Отсюда понятно это небывалое у другихъ поэтовъ обиліе однихъ и тѣхъ же описаній, вводимыхъ въ разныя произведенія, упорныя повторенія стиховъ, одинаковыя имена ге-

роевъ. Все это обнаруживаетъ глубокую одноцентриность вѣчно сверлящей души, которою одна неотступная мысль владѣетъ: выразить самое себя. Душѣ этой пришлось пройти сквозь строй, вынести ужасную пытку земной любви. Лермонтовъ барахтается въ жизни, какъ лебедь въ грязной лужѣ. Начиная съ бабушкиныхъ горничныхъ, прѣсененскихъ Тирзъ и Парашъ и кончая юнкерскими Уланшами, Лариссами и танцорками, все соединилось, чтобы осквернить любящую нѣжную душу, чтобы, омрачивъ, высосать и опустошить ее.

Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока,
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

Какъ тутъ не вспомнить Достоевскаго? „Дьяволъ съ Богомъ борются, а поле битвы—сердца людей. (Въ Лермонтовѣ есть черты Димитрія.) Широко челоуѣкъ, слишкомъ широко—я бы сузилъ“. Воочію передъ нами эта чудесная широкость, — совмѣщеніе идеала содомскаго съ идеаломъ Мадонны.

Однажды, послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари.
Клянуся, молвилъ князь удалый,
Что нашу польку въ эту ночь...

И вдругъ тутъ же, почти тотчасъ:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...

Отчаянный юнкеръ въ сѣрой шинели, едва проспавшійся послѣ угарной ночи, съ душой, мутной отъ пьянаго похмелья,— вотъ стоитъ онъ плечомъ къ плечу съ нѣжно-воздушной барышней гдѣ-нибудь на Зимней Канавкѣ, прислушивается къ вечернимъ выстрѣламъ, — и уже по искаженной душѣ его, какъ по небу полуночи, пролетаетъ бѣлокрылый ангелъ:

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались поздною порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догарали,
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Но, потерявъ навѣкъ серафическую непокорность чувствъ, Лермонтовъ не хочетъ покориться Року.

Въ противность своему Демону, онъ знаетъ, что никакая Тамара не возвратитъ ему рая. Дьявольская гримаса ироніи навсегда омрачила угрюмое лицо. На всѣхъ портретахъ Лермонтова застыло выраженіе тоскливо-мрачной ироніи. Любовь, со всею ея необъятною

нѣжностью и красотой, со страданіемъ и счастіемъ влюбленныхъ, для корнета Лермонтова вырождается въ лѣнивую интригу. Самодовольно-скучающій свѣтскій левъ, онъ относится къ женщинамъ со снисходительнымъ пренебреженіемъ. Уже шестнадцати лѣтъ, оторвавшись на мигъ отъ созерцанія неземной красоты, воздушнаго видѣнья, онъ холодно замѣчаетъ:

Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью, случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставить въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ.

Теперь на землѣ остается у него одно сладострастіе, любовь же умерла навсегда, какъ только онъ понялъ, что женщина и мечта о ней—не одно и то же.

Если вѣра въ любовь погибла, что же тогда остается въ жизни? И что такое самая жизнь?

Что жизнь?—Давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!

Обманъ. Въ этомъ сплошномъ обманѣ стоитъ ли играть смѣшную роль?

Любить? Но кого же? На время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить—невозможно.

Разъ уже начались разсужденія о томъ, стоитъ ли труда полюбить хотя на время, то ясно, что душѣ такого человѣка недоступна уже и просто не нужна сама любовь.

Всѣхъ героевъ своихъ Лермонтовъ щедро надѣлилъ своими же собственными страстями. Любопытно прослѣдить, какъ, начавъ съ безобразнаго уroda Вадима, онъ кончаетъ прекраснымъ Демономъ. Представленіе его о „героѣ“ пережило нѣсколько постепенныхъ стадій, но всегда онъ въ лицѣ ихъ прикрашиваетъ или безобразитъ самого себя. Кажется, будто онъ разсматриваетъ себя въ нѣсколько зеркалъ, примѣривая различныя позы и платья. Всѣ герои его непремѣнно любовники, почти всегда несчастные или не хотящіе быть счастливыми; у всѣхъ борьба съ женщиной на первомъ планѣ—поединки въ любви или въ кокетствѣ; всѣ заняты только своими переживаниями, своей любовью. Немногого не хватаетъ имъ, чтобы стать смѣшными, но вѣдь и самъ Лермонтовъ... почти смѣшонъ.

Вѣра въ „Героѣ нашего времени“ говоритъ Печорину: „Никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

Лермонтова до конца не удовлетворили его герои; самымъ неудачнымъ изъ нихъ былъ Арбенинъ изъ „Маскарада“, эта ходячая

месть, благородный шулеръ съ самолюбіемъ. Когда то увлекался Лермонтовъ роковой фигурой Наполеона, можетъ быть, потому, что находилъ въ немъ сходство съ собою; тѣни его вложилъ онъ въ уста фразу: „Я выше и похвалъ, и славы, и людей“. Попытка Лермонтова создать единственнаго героя олицетворилась всего удачнѣе въ „Демонъ“, который въ сущности опять все тотъ же, отвлеченно взятый Лермонтовъ. Демонъ мучилъ Лермонтова нѣсколько лѣтъ, пока онъ отъ него не „отдѣлался стихами“. Но развѣ это не тотъ же прежній и постоянный его герой,—„духъ изгнанья“, „отверженный“, кто „похожъ на вечеръ ясный: ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ“, „царь познанья и свободы“, „врагъ небесъ, зло природы“, тотъ, „кого никто не любитъ и все живущее клянеть“?

Наканунѣ смерти Лермонтовъ могъ видѣть, какъ вычерченные имъ полубезсознательно десять лѣтъ назадъ контуры жизни расцвѣтились яркими красками. Но—увы—картина эта была совсѣмъ не та, какою воображалъ ее поэтъ!

Еще въ ребячествѣ созналъ Лермонтовъ горькую истину, что „ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ“. За свою короткую жизнь сроднился онъ съ мыслью о ничтожествѣ, небытіи (néant), загодя какъ бы привыкнулъ къ смерти. Тогда же сказалъ онъ:

Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачить,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселить.

Чашу эту приходилось ему испивать до дна во цвѣтѣ жизни, съ небольшимъ въ двадцать пять лѣтъ, когда могучій талантъ его, какъ Демонъ, развертывалъ траурныя крылья, приготовляясь къ полету. А между тѣмъ самъ поэтъ чувствовалъ, что некуда и не за чѣмъ ему летѣть. Все въ мірѣ стало для него мертво и пустынно, отравлено адской скукой. Быть можетъ, проживи Лермонтовъ еще шесть, десять лѣтъ, онъ переломилъ бы себя, какъ Левъ Толстой, съ юностью котораго его юность имѣетъ большое сходство. Въ признаніяхъ Печорина звучатъ Толстовскія ноты; самая идея „исповѣди“ роднитъ Лермонтова съ Толстымъ. „Въ первой моей молодости,—говоритъ Печоринъ,—съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ насъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—не-

вѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно“... Скука—вотъ Демонъ, терзавшій Лермонтова. Отъ этого чудовища нельзя было отдѣлаться стихами.

Въ себя ли заглянешь,—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка...

Прекратить эту шутку могла одна смерть.

Нѣмецкій писатель Фридрихъ Боденштедтъ, поклонникъ и переводчикъ Лермонтова, встрѣтилъ впервые нашего поэта незадолго до его смерти въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ, въ обществѣ двухъ молодыхъ людей. Онъ оставилъ любопытное описаніе внѣшности, манеръ и разговоровъ Лермонтова. Какъ ни старается Боденштедтъ смягчить рѣзкость впечатлѣній, въ разсказѣ его обрисовывается во весь ростъ пошловатый и заносчивый офицеръ, дерзкій и невоздержный на языкъ, употребляющій постоянно въ разговорѣ неприличныя слова. Язвительныя шутки Лермонтова въ ушахъ сентиментальнаго и благовоспитаннаго нѣмца все время звучали такъ, какъ будто кто-нибудь „скребъ по стеклу“. Тутъ же, при Боденштедтѣ, Лермонтовъ едва не нарывается на ссору съ однимъ изъ пріятелей, перейдя должную границу въ остротахъ. Злитъ людей, очевидно, сдѣлалось для него потребностью. Позже, въ Пятигорскѣ, онъ любилъ забавляться тѣмъ, что незамѣтно надламывалъ приготовленныя въ гостиницѣ за общимъ столомъ тарелки. Слуги приходили въ отчаяніе, во время мытья посуды вынимая изъ воды груды черепковъ, а Лермонтовъ, насладившись ихъ недоумѣніемъ и испугомъ, тутъ же щедро расплачивался съ хозяиномъ. Что это, какъ не дошедшая до послѣдней степени скука? Приступы той же мертвящей скуки побуждали Лермонтова травить пріятелей; онъ придирается, злитъ, выводитъ изъ себя. („Собака собака смерть“, — сказала, узнавъ о кончинѣ Лермонтова, одна высокопоставленная особа.) Въ эти послѣдніе зрѣлые годы жизни дѣйствительность, манившая когда то поэта грезами, показала ему свою изнанку, а горькій опытъ безжалостно разрушалъ возможность земного счастья.

Представимъ себѣ положеніе Лермонтова на Кавказскихъ водахъ въ роковое для него лѣто 1841 года. Не сознавать всего значенія своего таланта онъ въ то время уже не могъ, но этотъ же талантъ дѣлалъ въ обществѣ положеніе его ложнымъ, ибо въ глазахъ дамъ, да еще свѣтскихъ, да еще семьдесятъ лѣтъ назадъ, быть русскимъ писателемъ оказывалось совсѣмъ не *comme il faut*. „Въ то время мы всѣ писали такіе стихи“, замѣтилъ одинъ изъ современниковъ Лермонтова. Врядъ ли кому извѣстно, что Мартыновъ,

убійца поэта, тоже писалъ стихи и даже недурные, т.-е. посредственныя, чего для успѣха въ салонѣ болѣе чѣмъ достаточно. Вообще, Мартыновъ, какъ увидимъ ниже, въ обществѣ имѣлъ всѣ преимущества на своей сторонѣ и былъ опаснымъ соперникомъ поэту. Биографы Лермонтова, изъ сочувствія къ нему, изображаютъ Мартынова смѣшнымъ пошлякомъ: на дѣлѣ было далеко не такъ. Смѣшонъ Мартыновъ не былъ, и со смѣшнымъ челоуѣкомъ у Лермонтова до дуэли не дошло бы. Но серьезно ухаживать за пятигорскими барышнями Лермонтовъ въ то время уже не могъ: слишкомъ хорошо постигъ онъ „науку страсти нѣжной“, да и водяное общество ему, что называется, „поднадоѣло“. И вотъ ему приходится быть равнодушнымъ зрителемъ, какъ тутъ же, на глазахъ его, всѣ влюбляются, ухаживаютъ, пишутъ стихи, терзаются ревностью. Какъ не презирать этихъ слѣпыхъ людишекъ ему, познавшему до конца гнетущій ужасъ жизни, наперснику Демона, для кого вся жизнь была только „тетрадь съ давно извѣстными стихами“? По привычкѣ онъ все-таки слегка ухаживаетъ за младшей дочерью бригаднаго генерала, Н. П. Верзилиной. Надежда Петровна была самая обыкновенная барышня, провинціальная кокетка, окруженная обществомъ военной молодежи, оживлявшей каждое лѣто пятигорскій сезонъ,— и, конечно, дуэль Лермонтова только сдѣлала ее болѣе „интересной“. Въ прошломъ у нея осталось пріятное воспоминаніе, что вотъ изъ-за нея убитъ на дуэли Лермонтовъ, тотъ самый... Впослѣдствіи она была примѣрной женою и матерью семейства. И казалось бы, не все ли равно Лермонтову, что красавецъ Мартыновъ нравится Надеждѣ Петровнѣ, что она оказываетъ ему предпочтеніе? Ложное самолюбіе свѣтскаго льва не позволяло ему оставаться равнодушнымъ. Ему не вспоминался собственный его давнишній мадригалъ „Глупой красавицѣ“, написанный лѣтъ десять тому назадъ:

Амуръ спросилъ меня однажды,
Хочу ль испить его вина...
Я не имѣлъ въ то время жажды,
Но выпилъ кубокъ весь до дна.
Теперь желалъ бы я напрасно
Смочить горящія уста,
Затѣмъ, что чаша влаги страстной,
Какъ голова твоя, пуста.

Пуста и хорошенькая головка Надежды Петровны, и такъ мало значить она для Лермонтова, что онъ даже ничего не можетъ написать ей въ альбомѣ, кромѣ какихъ то безсвязно-забавныхъ пустяковъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ?
И локонъ небрежный
Подъ шейкою нѣжной,
На поясѣ ножъ...
C'est un vers qui cloche

А ночью, тамъ, у себя, въ маленькомъ домикѣ, подъ Машукомъ, пишетъ, быть можетъ, со слезами: „Выхожу одинъ я на дорогу“, и восклицаетъ, вспоминая пусто и безцѣльно проведенный день:

Нѣтъ, не съ тобой я сердцемъ говорю!

И такъ чудовищно это несоотвѣтствіе между жизнью и мечтой, что, выбросивъ жемчужные стихи, мятежная душа не утихаетъ, — и еще пуще хочется на другой день злить самодовольнаго Мартынова.

Мартыновъ по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ тому же обществу, что и Лермонтовъ, но значительно превосходилъ послѣдняго успѣхомъ служебной своей карьеры. Будучи годомъ моложе Лермонтова, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ майора, тогда какъ Лермонтовъ былъ только поручикъ. О храбрости Мартынова свидѣтельствовало боевое отличіе, сверхъ всего, онъ, какъ описываетъ его одинъ изъ современниковъ, „былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, высокаго роста, блондинъ съ выгнутымъ немного носомъ. Онъ былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ романсы и все мечталъ о чинахъ, орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина“¹⁾. Всѣ данныя для полнаго успѣха въ жизни! Гдѣ ужъ было соперничать съ такимъ блестящимъ представителемъ золотой середины большоголовому кривоногому Маѣшкѣ, съ его вѣчно ядовитыми остротами и пронзительнымъ непріятнымъ смѣхомъ? По выходѣ въ отставку, Мартыновъ,—разсказываетъ тотъ же современникъ,—изъ веселаго, свѣтскаго, изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ то дикаремъ: отрастилъ огромныя бакенбарды; въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, нахлобученной бѣлой папачой, вѣчно мрачный и молчаливый, онъ игралъ Печорина²⁾. Разумѣется, и это все шло къ нему. Какъ будто самъ Печоринъ, въ лицѣ Мартынова, явился воочію на кавказскія воды. И княжна Мери, суще-

¹⁾ Воспоминанія Я. И. Костенецкаго (*Русская Старина*, 1875 г., IX, стр. 64). Къ этому надо еще добавить, что Мартыновъ писалъ также и стихи, вродѣ слѣдующихъ:

Пѣнь чеченца.

За Аргуномъ рѣкой,
Надъ кремнистой скалой,
Какъ гнѣздо, выдается ауль.
Онъ сто лѣтъ на горѣ,
И въ столѣтней корѣ
Лѣсъ дремучій его обогнулъ...

И желаній тоска
Грудь вздымаетъ слегка,
Будто волны несутъ лебедей;
И на свѣжихъ устахъ,
Какъ роса на цвѣтахъ,
Сладостратія влага у ней. И т. д.

А. Н. Нарцовъ. „Матеріалы для исторіи дворянскихъ родовъ Мартыновыхъ и Слѣпцовыхъ“. Тамбовъ, 1904 г.). Вѣроятно, многимъ стихи эти казались ничѣмъ не хуже Лермонтовскихъ.

²⁾ Ibid. P. C. 1875, т. IX, стр. 64.

ствуй она въ дѣйствительности, конечно, отдала бы сердце Мартынову, а никакъ не своему поэту, не говоря уже о простодушной дикаркѣ Бэлѣ. Можно вообразить, какъ раздражало Лермонтова печоринство Мартынова! Его герой воплотился наяву своими худшими сторонами. Мартынову пребываніе Лермонтова на водахъ было непріятно по многимъ причинамъ. Въ душѣ онъ сознавалъ свое ничтожество; его стихи и романы восхищать могли дѣвицъ, но врядъ ли онъ отважился бы на нихъ въ присутствіи Лермонтова, видѣвшаго его насквозь; на убійственныя остроты послѣдняго онъ не находилъ отвѣтовъ. Но, какъ всякій „порядочный молодой человѣкъ“, Мартыновъ больше всего на свѣтѣ боялся „влетѣть въ исторію“, а потому спускалъ многое несносному Маѣшкѣ ¹⁾). Одного не могъ вынести Мартыновъ: шутокъ Лермонтова „при дамахъ“, — очень ужъ страдало отъ нихъ пѣтушье самолюбіе неотразимаго кавалера. Онъ даже унижался до просьбы: перестать острить, но, разумѣется, только усиливалъ тѣмъ ядовитыя нападки. И вотъ, можетъ быть, въ тотъ самый моментъ, когда Мартыновъ рѣшительнымъ печоринскимъ пріемомъ покорялъ нѣжное сердце Наденьки Верзилиной, по комнатѣ громко прозвучало ненавистное: *montagnard au grand poignard*. Чаша терпѣнія переполнилась—и насмѣшникъ поплатился жизнью.

Вся поэзія Лермонтова—одинъ демоническій аккордъ. Нечеловѣческое что-то слышится въ немъ; стихи его, а въ особенности проза, дышатъ тою же силой, что заключалась въ чертахъ портрета, поразившаго Лугина. „Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе—и прежнее выраженіе погибло безвозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то *неизъяснимое*, возможное только генію или случаю“. У Лермонтова слогъ зловѣщій. Стихи его падаютъ на читателя, какъ желтые осенніе листья. Главное значеніе его поэзіи въ лирикѣ и „Героѣ нашего времени“; кавказскія декоративныя его поэмы, за исключеніемъ „Демона“, скучны и ходульны. Полное собраніе его сочиненій являетъ собой огромную груду смѣнявшихся безпрестанно черновиковъ; перебѣлить ихъ окончательно не дала смерть.

Борисъ Садовской.

1) „Какъ поэтъ, Лермонтовъ возвышался до геніальности, но, какъ человѣкъ, онъ былъ мелочень и несносень. Эти недостатки и признакъ безразсуднаго упорства въ нихъ были причиною смерти геніальнаго поэта отъ выстрѣла, сдѣланнаго рукою человѣка добраго, сердечнаго, котораго Лермонтовъ довель своими насмѣшками и даже клеветами почти до сумасшествія. Мартыновъ, котораго я хорошо зналъ, до конца своей жизни мучился и страдалъ оттого, что былъ виновникомъ смерти Лермонтова“. (И. А. Арсеньевъ. *Историческій Вѣстникъ*. 1887 г., т. II, стр. 354).